

Села я на подоконник, ноги свесив.
Он тогда спросил тихонечко: — Кто здесь?
— Это я пришла. — Зачем? — Сама не знаю.
— Время позднее, дитя, а ты не спишь.

— Я луну увидела на небе,
Я луну увидела и луч.
Упирался он в твоё окошко, —
Оттого, должно быть, я пришла...

О, зачем тебя назвали Даниилом?
Всё мне снится, что тебя терзают львы!

*Марина Цветаева.
Стихотворение «Даниил».
26 июля 1916 г.*

ЧЕЛОВЕК СИНЕЙ ЭПОХИ

У нас нет никаких оснований считать, что Марина Ивановна Цветаева имела в виду именно Даниила Андреева. Впрочем, и ничего невозможного в таком предположении тоже нет. Даниилу Андрееву в 1916 году, которым датировано стихотворение, 10 лет. Он живет в Москве, в Малом Лёвшинском переулке, выходящем на Пречистенку, в доме известного московского врача Филиппа Александровича Доброва. Это совсем неподалеку от Пушкинского музея, созданного отцом Марины Цветаевой. Двадцатичетырехлетняя поэтесса и будущий поэт ходили по одним и тем же улицам, дышали одним и тем же воздухом страстно любимой ими Москвы. А дальше — только мистические совпадения, которыми так богата была жизнь Даниила Андреева. Марина Цветаева была и осталась очень непростым поэтом. Она *могла* увидеть лунный луч, она *могла* прозреть страшную и прекрасную судьбу, уготованную мальчику, которого ох не случайно назвали Даниилом.

В Книге пророка Даниила есть слова, обращенные Богом к пророку: «И разумные будут сиять, как светила на тверди, и обратившие многих к правде — как звезды, во веки, навсегда. А ты, Даниил, сокрой слова сии и запечатай книгу сию до последнего времени; многие прочитают ее, и умножится ведение» (12: 3—4).

Книги Даниила Андреева тридцать лет были сокрыты, теперь многие читают их, и «умножается ведение». Но означает ли это, что живем мы в «последние времена»?

Несмотря на заметность происхождения (Даниил Андреев — младший сын знаменитейшего в России начала XX века писателя Леонида Андреева), никакой сколько-нибудь полной биографии у поэта нет и уже не будет. Практически не осталось ни людей, ни документов, которые могли бы сказать по этому поводу хотя бы несколько слов. Отметим здесь только вехи его жизненного пути. Родился в 1906 году в Германии. Мать потерял через несколько дней после рождения. Отца — тоже, хотя и в другом смысле. Леонид Андреев не смог простить сыну, что тот стал невольным виновником смерти матери от послеродовой горячки. Однако вместо довольно мрачного дома отца на Черной речке под Петербургом домом маленькому Даниилу становится открытый, гостеприимный московский дом его родной тетки, Елизаветы Михайловны Добровой. Позже Андреев, вспоминая в стихах это время, скажет: «Нет, младенчество было счастливым!» Учился в частной гимназии Репмана. Революция. В 1919 году слабо доносится из-за границы весть о смерти отца (Леонид Андреев оказался в вынужденной эмиграции после Октябрьского переворота, поскольку жил в то время на даче в Финляндии). Едва ли это известие сильно повлияло на юношу. Они с отцом не были близки. 1920-е годы. О высшем образовании нечего и думать — непролетарское происхождение! В конце 1920-х годов учился на Высших литературных курсах. Работал художником-оформителем. В 1942 году ушел на фронт, пришел в 1945-м. Живой, даже не раненный, но физически и душевно измотанный невероятно. В 1947 году арестован по обвинению в подготовке покушения на Сталина. Приговор — 25 лет тюрьмы. Основание — почти законченный к тому времени роман «Странники ночи». Наверное, роман был замечательный, если МГБ вело следствие больше года, требуя от группы арестованных выдачи... героев романа. Роман уничтожен, уничтожены стихи, много стихов, написанных в 1930-е и в начале 1940-х годов. Началась тюремная жизнь во Владимирском политизоляторе. 1956 год. В тюрьмах работают хрущевские комиссии по пересмотру дел заключенных.

Многих освобождают. Андреева — нет. Ему сокращают срок до десяти лет. А что было делать комиссии, если заключенный пишет в заявлении, что никого не убивал и не думал убивать, но, пока в России не будет свободы слова, совести и печати, он просит не считать его полностью советским человеком. В 1957 году освобожден, отбыв свою «десятку» от «звонка до звонка». А в марте 1959 года Даниила Андреева не стало. Ему не исполнилось и 53 лет.

Что ж... На первый взгляд это обычная судьба очень многих его современников. А потом заговорили его книги. Поначалу — негромко, как это тогда было принято, — без титульных листов, порой без названия и без имени автора, полустертые машинописные копии... Откуда же они взялись? Написаны в тюрьме. Восстановлены уничтоженные стихи, задумана и в черновиках написана большая, не похожая ни на что «Роза Мира». Сформирован небывалый поэтический ансамбль «Русские боги», написана огромная полифоническая поэма «Железная мистерия». Но в самиздат попала в первую очередь «Роза Мира». И так продолжалось тридцать лет.

Кончались 1980-е. Еще нельзя было публиковать, но уже можно было говорить. А потом наконец плотина тоталитарного государства рухнула. Практически одновременно удалось издать «Розу Мира» и «Железную мистирию». За этим наступила растерянная пауза...

В разных аудиториях разные люди смущенно говорили мне, что пробовали читать «Розу Мира», но она показалась им слишком сложной... Ну что же. Для читателя, не уверенного в своих силах, могу дать немного кошунственный совет: пропустите первые две книги. (Произведение состоит из 12 частей, названных книгами и разбитых на главы.) Вернетесь к ним потом. Или не вернетесь. Появление первых двух книг обусловлено вполне естественным стремлением автора как-то подготовить читателя, объясниться, найти аргументы в пользу той лавины, которую он собирается обрушить на читателя. Но мы сегодня куда более подготовлены к появлению странного, чем гипотетический читатель 1950-х годов. Если же и третья книга не захватит вас, смело откладывайте «Розу Мира» — она несовместима с вашим типом сознания.

При всей своей необычности традиция, в которой написана «Роза Мира», хорошо узнаваема. Среди предшественников Даниила Андреева следует назвать вполне уважаемых людей: Сократ, Данте, Экхарт, Бёме, Сведенборг, а в России, безусловно, Вл. Соловьев, А. Блок. Каждый из этих титанов минувшего пытался поведать современникам и потомкам некую предельно важную весть, суть которой заключается в следующем. Жизнь человека имеет смысл; история человечества имеет логику; мир, в котором живет человек в своем «здесь и сейчас», неизмеримо сложнее, чем усредненное представление о нем, созданное эмпирическим опытом людей; человек не одинок не только во Вселенной, но даже на своей планете, однако он никак не «царь природы», а лишь ее нерадивый воспитанник; человек ответствен за творчество собственной жизни, человеческая история обусловлена событиями, происходящими в мирах инобытия.

Начиная с третьей книги «Розы Мира», автор и переходит к описанию именно этих миров. Как он узнал о них? Откуда эти странные образы и представления, незнакомые слова на неизвестном языке, парадоксальные утверждения, за которыми стоит многих смущающая бескомпромиссная уверенность автора? Здесь было бы уместно сразу определить жанр произведения, которое читатель держит в руках. Он известен от века, хотя встречается и не часто, а уж в середине XX столетия в России тем более никто не ожидал появления вестника такой силы, как Андреев. В этом жанре написаны Веды, книги пророков Ветхого Завета, «Божественная комедия» Данте, «Аврора» Бёме, «Духовные проповеди» Экхарта, «О небесах, о мире духов и об аде» Сведенборга, то есть нет оснований считать Даниила Андреева автором «из ряда вон выходящим». Другое дело, что традиция вестничества, визионерства, духовидения довольно редка. От появления одного визионера до появления другого порой проходят века, поэтому каждый новый свидетель иных миров и истин встречается в штыки: после его прихода ни о каком статус-кво не может быть и речи.

Итак, откуда же все-таки почерпнул автор сведения, изложенные в «Розе Мира»? Вот как он сам говорит об этом в произведении:

«Мои книги... зиждутся на личном опыте метаисторического познания... Откуда я взял эти образы? кто и как внушил мне эти идеи?.. Первое событие... произошло в августе 1921 года... в Москве... <Оно> открыло передо мной или, вернее, надо мной такой бушующий, ослепляющий, непостижимый мир, охватывающий историческую действительность России в странном единстве с чем-то незримо большим над ней, что много лет я внутренне питался образами и идеями, постоянно наплывавшими отсюда в круг сознания...»

И образы живого золота
В мой дух и жизнь вторгаться стали...

Еще множество аналогичных мест встретит читатель по мере чтения, для наших целей довольно и этого. Андреев предельно искренен в попытках донести до читателя увиденное «за гранью». Он не скрывает ни своих целей, ни своих методов. Цели обозначены четко: все его творчество направлено против двух основных зол: тирании и мировой войны. Решая эти задачи, Андреев, во-первых, вскрывает изначальную демонизированность любой формы государственной власти, а во-вторых, предлагает на первый взгляд совершенно утопическую систему народоустройства, которую и именует, собственно, «Розой Мира».

Очередная утопия? Да, но никогда не опробованная в истории и уже поэтому привлекательная. Вненациональный, внепартийный, внеконфессиональный орган этического контроля за деятельностью государств едва ли вызовет протест у любого землянина XXI века.

Что в основе предлагаемой картины мироустройства? Знание автора о подлинных причинах, направлениях и цели человеческой истории. Что мешает осуществлению андреевской утопии? Существующее мировоззрение, существующий ущербный взгляд на историю и культуру.

В романе Даниила Андреева «Странники ночи», уничтоженном после ареста органами МГБ, один из главных героев, выражающий авторскую позицию, развивал теорию чередования в истории синих и красных эпох. Наступлению синей эпохи соответствует высокий уровень духовности общества. В соответствии с общей концепцией Андреева, реки духовности, разливающиеся в эти периоды по равнинам человечества,

берут истоки на горних вершинах духа метакультур. Тогда расцветают искусства, меняется отношение человека к миру, а философы размышляют о нравственности и этике государственной власти. Но приходят иные времена, и наступает красная эпоха, вызывающая к жизни «трезвый, реальный взгляд на вещи»; утилитарный, узкопрагматический подход приводит к вспышке эгоцентризма, к опасному во всех отношениях ускорению технического прогресса, к противостоянию человека и природы; этому способствует череда подмен, касающихся в первую очередь этики и нравственности. На этом фоне вызревают тоталитарные режимы, обостряются межнациональные, межгосударственные, межрелигиозные противоречия, политизируются искусство и наука. В такие периоды реки духовности мелеют, уходят под землю, яркие краски жизни выцветают. Образуется своеобразное духовное подполье.

И что же, этот цикл бесконечен?

П. Т. де Шарден в «Феномене человека» пишет: «...наука в своем подъеме и... человечество в своем марше в настоящий момент топчутся на месте, потому что люди не решаются признать наличие определенного направления и привилегированной оси эволюции. Обессиленные этим фундаментальным сомнением, научные исследования расплываются, а у людей не хватает решимости взяться за устройство Земли...»

Никакое устройство невозможно без знания о строении. Поэтому столь важное место в «Розе Мира» занимает описание слоев планетарного космоса. Их оказывается неожиданно много, вообще схема мира, предлагаемая Андреевым, кажется переусложненной. Однако простые схемы, предлагавшиеся до этого наукой, почему-то «не работают». Наоборот, андреевская схема дает ответы на вопросы, ставшие кардинальными для самого существования мира в XXI веке. Развал Советской империи находит логическое обоснование в физиологии демонов великодержавной государственности; вспышка терроризма, захлестнувшего земной шар, получает объяснение после знакомства с условиями жизни дьяволического человечества итв...

Многие проблемы обретают новое смысловое наполнение при чтении «Розы Мира». Для этого автор использует свой замечательный метаисторический метод.

Насколько мне известно, Даниил Андреев впервые провел четкое разграничение понятий: «талант», «гений», «вестник», «пророк». Взгляд метаисторика, прекрасно усвоенный Андреевым, позволяет ему безошибочно выделять среди строителей русской культуры вестников или находить элементы вестничества в творчестве просто талантливых художников. Это помогает увидеть общий замысел, проект, по которому ведется мировое строительство, или, как говорит Андреев, метапробраз Храма, воздвигаемого в Аримойе — небесной стране будущей общемировой культуры.

Выделяя в исторической деятельности человечества культурную доминанту, Андреев заставляет нас по-новому взглянуть на предмет собственно истории. Вследствие ряда подмен предметом истории постепенно становится летопись человеческих злодеяний: войн, восстаний, заговоров, переворотов, убийств, свержений, революций, то есть процессов, в которых наиболее ярко выражена разрушительная, губительная тенденция в характере человечества. Это неудивительно, если учесть утверждение о том, что «история превратилась в науку, когда стала базироваться на идеях К. Маркса и Ф. Энгельса»¹, но, превратившись в *такую* науку, она утратила интерес к творческим созидательным процессам и совсем перестала быть историей исканий человеческого духа, историей завоеваний в областях культуры и духовности, историей восхождений от инстинктивного эгоистического начала в человеке к духовному альтруистическому. В качестве же полностью политизированной дисциплины («истории ножниц и клея», по меткому выражению Дж. Коллингвуда) она, в лучшем случае, стала историей ошибок человека в отыскании путей гармонического развития. Да полноте! Действительно ли мы ищем эти пути?

В противостоянии человека и природы, в ожесточенном противостоянии техносферы и биосферы нельзя не заметить проявление суицидного комплекса человечества. Важнейшей заслугой Андреева становится тщательно проработанное им учение о Живой Природе. Заметим, что автор — не кабинетный ученый. Его способность общения с природой,

¹ Советский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1980.

доходящая до полного взаимослияния, выражена во множестве стихотворений и основана на долгом личном опыте. Он очень любил ходить босиком и делал это при малейшей возможности, в том числе и в тюрьме. Он исходил брянские леса, не раз попадал в сложные ситуации (см., например, небольшую поэму «Немереча»), он слышал, видел и ощущал природу так, как, наверное, воспринимали ее на заре мира наши пращуры. Это знание, опыт общения со стихиями — душами рек, лугов, лесов — Андреев делает одним из основных элементов предлагаемой им системы воспитания «Человека облагороженного образа».

Выступая как метафизик, Андреев делает несколько сенсационных заявлений. Суть их в эволюции законов бытия планетарного космоса, считавшихся абсолютным большинством исследователей неизменяемыми. В первую очередь речь идет о Законе воздаяния, или Законе кармы. Именно возможность эволюции космических законов делает разрешимой основную задачу Розы Мира: одухотворение всей структуры Шаданакара (совокупности слоев земного планетарного космоса) и выход Земли на просторы духовного космоса.

Особое место уделено в «Розе Мира» теме творчества. И здесь не счесть парадоксальных утверждений автора о сути и природе творчества. Появление заметных литературных произведений, уникальных архитектурных решений, музыкальных и изобразительных озарений, по Андрееву, есть результат со-творчества человека и одного из сопредельных слоев бытия — слоя даймонов, крылатого человечества, далеко опередившего людей на пути эволюции. Интересно отметить, что одновременно с Андреевым эту тему считал важнейшей известный сегодня и в России профессор Толкин, автор «Властелина Колец» и «Сильмариллиона». Только даймоны у него называют себя эльфами.

Люди, хорошо знакомые с русской литературой вообще и с неизвестным Андрееву романом Булгакова в частности, уже без особого внутреннего сопротивления принимают утверждение Андреева о посмертной ответственности авторов известных литературных произведений за судьбу своих героев.

Многих, знакомых с трудами Андреева, смущает вопрос о том, как соотносится содержание «Розы Мира» с ортодок-

сальным православно-христианским догматом? Здесь налицо определенная ошибка, ибо сравниваются предметы разных понятийных рядов. Человек Даниил Андреев прожил свою короткую жизнь убежденным православным христианином. Художник Даниил Андреев создал произведение, которое, несомненно, обогатит сокровищницу мировой культуры. Независимо от вероисповеданий люди чтят гений Сократа, отдают должное архитектуре Древнего Египта и Индии, восхищаются непревзойденным совершенством китайской пейзажной лирики раннего Средневековья; все это — фрагменты веками создаваемого величественного здания общечеловеческой культуры. В ее пантеоне рядом стоят имена ветхозаветного Екклесиаста и язычника — автора «Слова о полку Игореве», Лао-цзы и Данте, Низами и Гёте, Шекспира и Достоевского, зодчих пирамид, мечетей, пагод, дворцов и храмов; творцов, чей дух не вмещается в рамки религиозных конфессий, но своими прозрениями творит новые формы искусства, устанавливает новые этические и нравственные нормы. «Роза Мира» относится именно к таким «опрокидывающим правила» произведениям, появление которых пусть незначительно, но все же продвигает вперед строительство земной культуры, смещает угол зрения человека на мир и на свое место в нем.

Творчество Даниила Андреева не имеет равных в культуре России. Все изложенное им в «Розе Мира» повторено, иногда кратко, иногда, наоборот, более развернуто, в поэтической форме в «Русских богах» и «Железной мистерии». Последняя полностью посвящена метаистории России с начала XX века и до конца времен. Каждое из этих произведений вполне самостоятельно, но только в форме триптиха они вместили небывалый труд по созданию принципиально новой картины мира, в основу которого лег трансфизический опыт автора.

Давно, очень давно не появлялось в России работ такого масштаба, как «Роза Мира». Заключение Владимирского политизолятора отыскал «в морях своей души» путь, поднимающий его над временем и местом. Можно лишь догадываться о том, что такое «долг вестника», какова сила этого должностования, если она сквозь тюремные стены делает различимыми и глубь времен, и даль надмирного, если она велит

отрешиться от здешних обид (Андреев на протяжении всего творчества ни разу не жалуется на судьбу, не клянет тюремщиков и судей, а тяжелый инфаркт, постигший его на восьмом году тюремного заключения, не отразился в стихах и прозе ни единой дрогнувшей строкой), отрешиться от собственных недугов и властно требует одного — исполнения миссии.

Обратит ли нас «Роза Мира» к правде, к новому ведению, или в пророка опять полетят камни — покажет время. А какого цвета оно будет: синего или красного — решать нам.

В. Грушецкий

Роза Мира

КНИГА I

РОЗА МИРА И ЕЕ МЕСТО В ИСТОРИИ

Глава 1

Роза Мира и ее ближайшие задачи

Эта книга начиналась, когда опасность неслыханного бедствия уже нависала над человечеством; когда поколение, едва начавшее оправляться от потрясений Второй мировой войны, с ужасом убеждалось, что над горизонтом уже клубится, стущаясь, странная мгла — предвестие катастрофы еще более грозной, войны еще более опустошающей. Я начинал эту книгу в самые глухие годы тирании, довлевшей над двумястами миллионами людей. Я начинал ее в тюрьме, носившей название политического изолятора. Я писал ее тайком. Рукопись я прятал, и добрые силы — люди и не люди — укрывали ее во время обысков. И каждый день я ожидал, что рукопись будет отобрана и уничтожена, как была уничтожена моя предыдущая работа, отнявшая десять лет жизни и приведшая меня в политический изолятор¹.

Книга «Роза Мира» заканчивается несколько лет спустя, когда опасность третьей мировой² войны не поднимается уже, подобно мглистым тучам, из-за горизонта, но

¹ Рукопись «Розы Мира» была начата в 1950 г. во Владимирском политизоляторе. Д. Андреев был приговорен к 25-летнему сроку тюремного заключения по делу о покушении на Сталина, от начала и до конца сфабрикованному МГБ (Министерством государственной безопасности). В основу дела легла другая работа Д. Андреева, роман «Странники ночи», начатый им в 1937 г. Роман был уничтожен в подвалах Лубянки после ареста автора. (*Здесь и далее — примечания редактора. Примечания автора оговорены в каждом конкретном случае.*)

² «Роза Мира» была закончена в самом конце 1958 г., когда до Карибского кризиса оставалось не больше полутора лет.

простерлась над нашими головами, закрыв зенит и быстро спускаясь от него вниз, по всем сторонам небосклона.

А может быть, обойдется? — Такая надежда теплится в душе каждого, и без подобной надежды нельзя было бы жить. Одни пытаются подкрепить ее логическими доводами и активными действиями. Некоторые ухитряются убедить самих себя в том, будто опасность преувеличивается. Третьи стараются не думать о ней совсем, погружаясь в заботы своего маленького мирка и раз навсегда решив про себя: будь что будет. Есть и такие, в чьей душе надежда тлеет угасающей искрой и кто живет, движется, работает лишь по инерции.

Я заканчиваю рукопись «Розы Мира» на свободе, в золотом осеннем саду. Тот, под чьим игом изнемогала страна¹, давно уже пожинает в иных мирах плоды того, что посеял в этом. И все-таки последние страницы рукописи я прячу так же, как прятал первые², и не смею посвятить в ее содержание ни единую живую душу, и по-прежнему нет у меня уверенности, что книга не будет уничтожена, что духовный опыт, которым она насыщена, окажется переданным хоть кому-нибудь.

А может быть — обойдется, тирания никогда не возвратится? Может быть, человечество сохранит навеки память о страшном историческом опыте России? — Такая надежда теплится в душе всякого, и без этой надежды было бы тошно жить.

Но я принадлежу к тем, кто смертельно ранен двумя великими бедствиями: мировыми войнами и единоличной тиранией. Такие люди не верят в то, что корни войн и тираний уже изжиты в человечестве или изживутся в короткий срок. Может быть отстранена опасность данной тирании, данной войны, но некоторое время спустя возникнет

¹ Для читателей, не очень хорошо знакомых с русскими реалиями середины XX в., поясним, что речь идет о И. В. Сталине.

² Опасения автора не беспочвенны. По некоторым сведениям, уже после его смерти КГБ охотился за рукописью «Розы Мира», которую только в начале 1980-х гг. удалось переправить за границу. Она и поныне хранится в Русском архиве английского университета в Лидсе.

угроза следующих. Оба этих бедствия были для нас своего рода апокалипсисами — откровениями о могуществе мирового Зла и о его вековечной борьбе с силами Света. Люди других эпох, вероятно, не поняли бы нас; наша тревога показалась бы им преувеличенной, наше мироощущение — болезненным. Но не преувеличено такое представление об исторических закономерностях, какое выжглось в человеческом существе полувековым созерцанием и соучастием в событиях и процессах небывалого размаха. И не может быть болезненным тот итог, который сформировался в человеческой душе как плод деятельности самых светлых и глубоких ее сторон.

Я тяжело болен¹, годы жизни моей сочтены. Если рукопись будет уничтожена или утрачена, я восстановить ее не успею. Но если она дойдет когда-нибудь хотя бы до нескольких человек, чья духовная жажда заставит их прочитать ее до конца, преодолевая все ее трудности, — идеи, заложенные в ней, не смогут не стать семенами, рождающими ростки в чужих сердцах. И произойдет ли это еще до третьей мировой войны или после нее, или третья война не будет развязана в ближайшие годы вовсе — книга не умрет все равно, если хоть одни дружественные глаза пройдут, глава за главой, по ее страницам. Потому что вопросы, на которые она пытается дать ответ, будут волновать людей еще и в далеком будущем.

Эти вопросы не исчерпываются проблематикой войны и государственного устройства. Но ничто не поколеблет меня в убеждении, что самые устрашающие опасности, которые грозят человечеству и сейчас и будут грозить еще не одно столетие, это — великая самоубийственная война и абсолютная всемирная тирания. Быть может, третью мировую войну — в нашу эпоху — человечество превозможет или, по крайней мере, уцелеет в ней, как уцелело оно в первой и во второй. Быть может, оно выдержит, так или иначе, тиранию еще более обширную и беспощадную, чем та, которую выдержали мы. Может случиться также, что через

¹ В 1954 г. Д. Андреев перенес в тюрьме тяжелый инфаркт, последствия которого и привели к смерти автора в 1959 г.

сто или двести лет возникнут новые опасности для народов, не менее губительные, чем тирания и великая война, но — иные. Возможно. Вероятно. Но никакие усилия разума, никакое воображение или интуиция не способны нарисовать опасностей грядущего, которые не были бы связаны, так или иначе, с одной из двух основных: с опасностью физического уничтожения человечества вследствие войны и опасностью его гибели духовной вследствие абсолютной всемирной тирании.

Книга направлена, прежде всего, против этих двух зол. Двух коренных, первичных зол. Она направлена против них — не как памфлет, не как разоблачающая сатира, не как проповедь. Самая жгучая сатира и самая пламенная проповедь — бесплодны, если они только бичуют зло и доказывают, что хорошее — хорошо, а дурное — дурно. Они бесплодны, если не основаны на знании основ того миропонимания, того универсального учения и той действенной программы, которые, распространяясь от ума к уму и от воли к воле, были бы способны отвратить от человечества эти две коренные опасности. Поделиться своим опытом с другими, приоткрыть картину исторических и метаисторических перспектив, ветвящуюся цепь дилемм, встающих перед нами или долженствующих возникнуть, панораму разноматериальных миров, тесно взаимосвязанных с нами в добре и зле, — вот задача моей жизни. Я стремился и стремлюсь ее выполнять в формах словесного искусства, в художественной прозе и в поэзии, но особенности этого искусства не позволяли мне раскрыть всю концепцию с надлежащею полнотой, изложить ее исчерпывающе, четко и общедоступно. Развернуть эту концепцию именно так, дать понять, каким образом в ней, трактуемой об иноприродном, в то же время таится ключ и от текущих процессов истории, и от судьбы каждого из нас, — вот задача настоящей книги. Книги, которая, если Господь предохранит ее от гибели, должна вдвинуться, как один из многих кирпичей, в фундамент Розы Мира, в основу всечеловеческого Братства.

Существует инстанция, много веков претендующая на то, чтобы быть единственной неуклонной объединитель-

ницей людей, предотвращающей от них опасность войны всех против всех, опасность падения в хаос. Такая инстанция — государство. Со времен окончания родового строя на всех исторических этапах государство являлось существенной необходимостью. Даже иерократии, пытавшиеся его подменить властью религиозной, превращались в разновидности того же Государства. Государство цементировало общество на принципе насилия, а уровень нравственного развития, необходимый для того, чтобы цементировать общество на каком-либо принципе ином, не был достигнут. Конечно, он не достигнут и поднесь. Государство до сих пор остается единственным испытанным средством против социального хаоса. Но уясняется наличие в человечестве этических начал более высокого типа, способных не только поддерживать, но и совершенствовать социальную гармонию, и, что еще важнее, намечаются пути ускоренного развития этих начал.

В политической истории новейшего времени легко различаются две общечеловеческие направленности, полярные друг другу.

Одна из них стремится к переразвитию государственного начала как такового, к укреплению всесторонней зависимости личности от государства, точнее — от той инстанции, в руках которой находится государственный аппарат: партии, армии, вождя.

Государства типа фашистского или национал-социалистического — ярчайший пример феноменов этого рода.

Другой поток явлений, возникший еще в XVIII веке, если не раньше, — это поток направленности гуманистической. Его истоки и главнейшие этапы — английский парламентаризм, французская Декларация прав человека, германская социал-демократия, наконец, освободительная борьба против колониализма. Дальняя цель этого потока явлений — ослабление цементирующего насилия в жизни народов и преобразование государства из полицейского по преимуществу аппарата, отстаивающего национальное или классовое господство, в аппарат всеобщего экономического равновесия и охраны прав личности. В исторической действительности имеются еще оригинальные

образования, могущие показаться как бы гибридами. По существу оставаясь феноменами первого типа, они видоизменяют собственное обличье в той мере, в какой это целесообразно для достижения поставленной цели. Это — лишь тактика, маскировка, не более.

И все же, несмотря на полярность этих потоков явлений, их объединяет одна черта, характернейшая для XX столетия: стремление ко всемирному. Внешний пафос различных движений нашего века — в их конструктивных программах народоустройств; но внутренний пафос новейшей истории — в стихийном стремлении ко всемирному.

Интернациональностью своей доктрины и планетарным размахом отличалось самое мощное движение первой половины нашего столетия. Ахиллесовой пятой движений, ему противоположавшихся, — расизма, национал-социализма — была их узкая националистичность, точнее — узкорасовые или национальные границы тех блаженных зон, химерою которых они прельщали и завораживали. Но к мировому владычеству стремились и они, и притом с колоссальной энергией. Теперь космополитический американизм озабочен тем, чтобы избежать ошибок своих предшественников.

На что указывает это знамение времени? Не на то ли, что всемирность, перестав быть абстрактной идеей, сделалась всеобщей потребностью? Не на то ли, что мир стал неделим и тесен, как никогда? Не на то ли, наконец, что решение всех насущных проблем может быть коренным и прочным лишь при условии всемирных масштабов этого решения?

Деспотические образования планомерно осуществляют при этом принцип крайнего насилия либо хитрым сочетанием методов частично вуалируют его. Темпы убыстряются. Возникают такие государственные громады, на сооружение каких раньше потребовались бы века. Каждое хищно по своей природе, каждое стремится навязать человечеству именно свою власть. Их военная и техническая мощь становится головокружительной. Они уже столько раз ввергали мир в пучину войн и тираний, — где гарантии, что они не ввергнут его еще и еще? И наконец, сильнейший

победит во всемирном масштабе, хотя бы это стоило превращения трети планеты в лунный ландшафт. Тогда цикл закончится, чтобы уступить место наибольшему из зол: единой диктатуре над уцелевшими двумя третями мира — сперва, быть может, олигархической, а затем, как это обычно случается на втором этапе диктатур, — единоличной. Это и есть угроза, самая страшная из всех нависавших над человечеством: угроза всечеловеческой тирании.

Сознательно или бессознательно предчувствуя эту опасность, движения гуманистической направленности пробуют консолидировать свои усилия. Они лепечут о культурном сотрудничестве, размахивают лозунгами пацифизма и демократических свобод, ищут призрачного спасения в нейтралитете либо же, испуганные агрессивностью противника, сами вступают на его путь. Бесспорной, всем доверие внушающей цели, то есть идеи о том, что над деятельностью государств **насушно необходим этический контроль**¹, не выдвинуло ни одно из них. Некоторые общества, травмированные ужасами мировых войн, пытаются объединиться с тем, чтобы в дальнейшем политическое объединение охватило весь земной шар. Но к чему теперь привело бы и это? Опасность войн, правда, была бы устранена, по крайней мере временно. Но где гарантии того, что это сверхгосударство, опираясь на обширные нравственно отсталые слои — а таких на свете еще гораздо больше, чем хотелось бы, — и расшевеливая не изжитые в человечестве инстинкты властолюбия и мучительства, не перерастет опять-таки в диктатуру и, наконец, в тиранию, такую, перед которой все прежние покажутся забавой?

Знаменательно, что именно религиозные конфессии, раньше всех провозгласившие интернациональные идеалы братства, теперь оказываются в арьергарде всеобщего устремления ко всемирному. Возможно, в этом сказывается характерное для них сосредоточение внимания на внутреннем человеке, пренебрежение всем внешним, а ко внешнему относят и проблему социального устройства человечества. Но если взглядеться глубже, если сказать во всеуслышание то, что говорят обычно лишь в узких кругах

¹ Здесь и далее выделение полужирным редактора.

людей, живущих интенсивной религиозной жизнью, то обнаружится нечто, не всеми учитываемое. Это возникший еще во времена Древнеримской империи мистический ужас перед грядущим объединением мира, это неутолимая тревога за человечество, ибо в едином общечеловеческом государстве предчувствуется западня, откуда единственный выход будет к абсолютному единовластию, к царству «князя мира сего», к последним катаклизмам истории и к ее катастрофическому перерыву.

Да и в самом деле, где гарантии, что во главе сверхгосударства не окажется великий честолюбец и наука послужит ему верой и правдой как орудие для превращения этого сверхгосударства именно в ту чудовищную машину мучительства и духовного калечения, о которой я говорю? Можно ли сомневаться, что даже уже и теперь создаются предпосылки для изобретения совершенного контроля за поведением людей и за образом их мышления? Где границы тем кошмарным перспективам, которые возникают перед нашим воображением в результате скрещения двух факторов: **террористического единовластия** и техники XXI столетия? Тирания будет тем более абсолютной, что тогда закроется даже последний, трагический путь избавления: сокрушение тирании извне в итоге военного поражения — воевать будет не с кем, подчинены будут все. И всемирное единство, мечтавшееся стольким поколениям, потребовавшее стольких жертв, обернется своей демонической стороной: своей безвыходностью в том случае, если руководство этим единством возьмут ставленники темных сил.

На горьком опыте человечество убеждается уже и теперь, что ни те социально-экономические движения, шефство над которыми берет голый рассудок, ни достижения науки сами по себе не в состоянии провести человечество между Харибдой и Сциллой — тираниями и мировыми войнами. Хуже того, новые социально-экономические системы, приходя к господству, сами облачаются в механизмы политических деспотий, сами становятся сеятелями и разжигателями мировых войн. Наука превращается в их послушную служанку, куда более послушную и надежную, чем была церковь для феодальных владык. Трагедия коренится в том,

что научная деятельность с самого начала не была сопряжена с глубоко продуманным нравственным воспитанием. К этой деятельности допускались все, независимо от уровня их нравственного развития. Неудивительно, что каждый успех науки и техники обращается теперь одной стороной против подлинных интересов человечества. Двигатель внутреннего сгорания, радио, авиация, атомная энергия — все ударяет одним концом по живой плоти народов. А развитие средств связи и технические достижения, позволяющие полицейскому режиму контролировать интимную жизнь и сокровенные мысли каждого, подводят железную базу под вампирические громады диктатур.

Таким образом, опыт истории подводит человечество к пониманию того очевидного факта, что опасности будут предотвращены и социальная гармония достигнута не развитием науки и техники самих по себе, не переразвитием государственного начала, не диктатурой «сильного человека», не приходом к власти пацифистских организаций социал-демократического типа, качаемых историческими ветрами то вправо, то влево, от бессильного прекраснодушия до революционного максимализма, — но признанием насущной необходимости одного-единственного пути: установления над Всемирной федерацией государств некоей незапятнанной, неподкупной, высокоавторитетной инстанции, инстанции *этической*, внегосударственной и надгосударственной, ибо природа государства внеэтична по своему существу.

Какая же идея, какое учение помогут создать подобный контроль? Какие умы его выработают и сделают приемлемым для громадного большинства? Какими путями придет такая инстанция к общечеловеческому признанию, на высоту, господствующую даже над Федерацией государств, — она, отвергающая насилие? Если же она примет к руководству принцип постепенной замены насилия чем-то другим, то чем же именно и в какой последовательности? И какая доктрина сможет разрешить все возникающие в связи с этим проблемы с их неимоверной сложностью?

Настоящая книга стремится дать, в какой-то мере, на эти вопросы ответ, хотя общая тематика ее шире. Но, под-

готовливаясь к ответу, следует ясно сформулировать сперва, в чем же это учение видит своего непримиримейшего врага и против чего — или кого — оно направлено.

В историческом плане оно видит своих врагов в любых державах, партиях и доктринах, стремящихся к насильственному порабощению других и к каким бы то ни было формам и видам деспотических народоустройств. В мета-историческом же плане оно видит своего врага в одном — в Противобогге, в тиранствующем духе, Великом Мучителе, многообразно проявляющем себя в жизни нашей планеты. Для движения, о котором я говорю, и сейчас, когда оно едва пытается возникнуть, и потом, когда оно станет решающим голосом истории, врагом будет одно — стремление к тирании и к жестокому насилию, где бы оно ни возникло, хотя бы в нем самом. Насилие может быть признано годным лишь в меру крайней необходимости, только в смягченных формах и лишь до тех пор, пока наивысшая инстанция путем усовершенствованного воспитания не подготовит человечество при помощи миллионов высокоидейных умов и волею к замене принуждения — добровольностью, окриков внешнего закона — голосом глубокой совести, а государства — братством. Другими словами, пока самая сущность государства не будет преобразована, а живое братство всех не сменит бездушного аппарата государственного насилия.

Не обязательно надо предполагать, что подобный процесс займет непременно огромный отрезок времени. Исторический опыт великих диктатур, с необыкновенной энергией и планомерностью охватывавших население громадных стран единой, строго продуманной системой воспитания и образования, неопровержимо доказал, какой силы рычаг заключен в этом пути воздействия на психику поколений. Поколения формировались все ближе к тому, что представлялось желательным для властей предержавших. Нацистская Германия, например, ухитрилась добиться своего даже на глазах одного поколения. Ясное дело, ничего, кроме гнева и омерзения, не могут вызвать в нас ее идеалы. Не только идеалы — даже методика ее должна быть отринута нами почти полностью. Но рычаг, ею открытый, дол-

жен быть взят нами в руки и крепко сжат. Приближается век побед широкого духовного просвещения, решающих завоеваний новой, теперь еще едва намечаемой педагогики. Если бы хоть несколько десятков школ были предоставлены в ее распоряжение, в них формировалось бы поколение, способное к выполнению долга не по принуждению, а по доброй воле; не из страха, а из творческого импульса и любви. В этом и заключен смысл воспитания человека облагороженного образа.

Мне представляется международная организация, политическая и культурная, ставящая своею целью преобразование сущности государства путем последовательного осуществления всеохватывающих реформ. Решающая ступень к этой цели — создание Всемирной федерации государств как независимых членов, но с тем, чтобы над Федерацией была установлена особая инстанция, о которой я уже упоминал: инстанция, осуществляющая контроль над деятельностью государств и руководящая их бескровным и безболезненным преобразованием изнутри. Именно бескровным и безболезненным: в этом все дело, в этом ее отличие от революционных доктрин прошлого.

Какова будет структура этой организации, каково ее наименование — предугадывать это мне представляется преждевременным и ненужным. Назовем ее пока условно, чтобы не повторять каждый раз многословных описаний, Лигой преобразования сущности государства. Что же до ее структуры, то те, кто станет ее организаторами, будут и опытнее, и практичнее меня: это будут общественные деятели, а не поэты. Могу только сказать, что лично мне рисуется так, что Лига должна располагать своими филиалами во всех странах, причем каждый филиал обладает несколькими аспектами: культурным, филантропическим, воспитательным, политическим. Такой политический аспект каждого филиала превратится, структурно и организационно, в национальную партию Всемирной религиозной и культурной реформы. В Лиге и Лигой все эти партии будут связаны и объединены.

Как именно, где и среди кого произойдет формирование Лиги, я, конечно, не знаю и знать не могу. Но ясно,

что период от ее возникновения до создания Федерации государств и этической инстанции над ними должен рассматриваться как период подготовительный, период, когда Лига будет отдавать все силы распространению своих идей, формированию своих рядов, расширению организации, воспитанию подрастающих поколений и созданию внутри себя той будущей инстанции, которой со временем может быть доверена всемирная руководящая роль.

Устав Лиги не может препятствовать пребыванию в ее рядах людей различных философских и религиозных убеждений. Требуется лишь готовность деятельно участвовать в осуществлении ее программы и решимость не нарушать ее моральных установлений, принятых как краеугольная плита.

Во всех превратностях общественной жизни и политической борьбы успехи Лиги должны достигаться не ценой отступления от ее нравственного кодекса, а именно вследствие верности ему. Ее репутация должна быть незапятнанной, бескорыстие — не подлежащим сомнению, авторитет — возрастающим: ибо в нее будут стекать и ее непрерывно укреплять лучшие силы человечества.

Вероятнее всего, что путь ко всемирному объединению ляжет через лестницу различных ступеней международной солидарности, через объединение и слияние региональных содружеств; последней ступенью такой лестницы представляется всемирный референдум или плебисцит — та или иная форма свободного волеизъявления всех. Возможно, что он приведет к победе Лиги лишь в отдельных странах. Но за нее будет сам исторический ход вещей. Объединение хотя бы половины земного шара довершит глубокий сдвиг в сознании народов. Состоится второй референдум, может быть, третий, и десятилетием раньше или позже границы Федерации совпадут с границами человечества. Тогда откроется практическая возможность к осуществлению цепи широких мероприятий ради превращения конгломерата государств в монолит, постепенно преобразуемый двумя параллельными процессами: внешним — политико-социально-экономическим и внутренним — воспитательно-этико-религиозным.

СОДЕРЖАНИЕ

Человек синей эпохи. <i>В. Грушецкий</i>	5
--	---

РОЗА МИРА

Книга I

Роза Мира и ее место в истории

Глава 1. Роза Мира и ее ближайшие задачи.	17
Глава 2. Отношение к культуре	48
Глава 3. Отношение к религиям	67

Книга II

О метаисторическом и трансфизическом методах познания

Глава 1. Некоторые особенности метаисторического метода	91
Глава 2. Немного о трансфизическом методе	112
Глава 3. Исходная концепция	134

Книга III

Структура Шаданакара. Миры восходящего ряда

Глава 1. Сакуала Просветления	170
Глава 2. Затомисы	182
Глава 3. Средние слои Шаданакара	213

Книга IV

Структура Шаданакара. Инфрафизика

Глава 1. Основа	235
Глава 2. Миры Возмездия	245
Глава 3. Шрастры и уицраоры	262

Книга V
Структура Шаданакара. Стихиали

Глава 1. Демонические стихиали	280
Глава 2. Светлые стихиали	293
Глава 3. Отношение к животному царству.	304

Книга VI
Высшие миры Шаданакара

Глава 1. До Мировой Сальватэрры	332
Глава 2. Логос Шаданакара.	342
Глава 3. Женственность.	369

Книга VII
К метаистории Древней Руси

Глава 1. Киевская Русь как явление метаисторическое	387
Глава 2. Христианский миф и прароссиянство	410
Глава 3. Эпоха первого уицраора	424

Книга VIII
К метаистории царства Московского

Глава 1. Смена уицраоров	434
Глава 2. Эгрегор православия и инфрафизический страх	451
Глава 3. Заполнение пространства между культурами.	464
Глава 4. Родомысл Петр и демоническое искажение его миссии	471

Книга IX
К метаистории Петербургской империи

Глава 1. Второй уицраор и внешнее пространство.	480
Глава 2. Второй уицраор и внутреннее пространство	501
Глава 3. Снятие санкции	508
Глава 4. Подвиг	520

Книга X
К метаистории русской культуры

Глава 1. Дар вестничества	533
Глава 2. Миссии и судьбы	552
Глава 3. Миссии и судьбы (продолжение)	572
Глава 4. Миссии и судьбы (окончание)	590
Глава 5. Падение вестника	606

Книга XI

К метаистории последнего столетия

Глава 1. Воцарение Третьего Жругра	628
Глава 2. Борьба с духовностью	644
Глава 3. Темный пастырь	664
Глава 4. К метаистории наших дней	717

Книга XII

Возможности

Глава 1. Воспитание человека облагороженного образа	738
Глава 2. Внешние мероприятия	769
Глава 3. Культ	787
Глава 4. Князь тьмы	811
Глава 5. Смена эонов	838
Краткий словарь имен, терминов и названий, наиболее часто встречающихся в тексте	848

Андреев Д.

А 65 Роза Мира / Даниил Андреев. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. — 864 с. — (Азбука-классика. Non-Fiction).

ISBN 978-5-389-09218-1

«Роза Мира» — главное произведение русской эзотерической литературы, созданное Даниилом Андреевым, поэтом и выдающимся мыслителем-мистиком, сыном известнейшего писателя начала XX века Леонида Андреева. Написанный на основе личного духовного опыта автора, этот оригинальный религиозно-философский трактат отмечен вдохновенным видением всемирного единства. В своих прозрениях того, что лежит «за гранью» обыденного опыта, автор стремится донести до читателя образ грядущей общемировой культуры, которую автор книги и именует Розой Мира.

УДК 1/14
ББК 87.3

Литературно-художественное издание

ДАНИИЛ АНДРЕЕВ
РОЗА МИРА

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Ольги Варламовой
Корректор Ирина Киселева
Главный редактор Александр Жикаренцев

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

Подписано в печать 20.07.2020. Формат издания 75 × 100 1/32.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 38,07.
Заказ № .

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-NFA-17231-05-R